

30 ноября исполняется 63 года с начала советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. «Северный край» в последнее время несколько раз обращался к теме этой «неизвестной» войны, не только подробности, но и всякое упоминание о которой до недавних пор были под запретом. Между тем до сих пор живы ее участники, незаживающей раной остается память о ней в семьях, свидетельство чему письма, которые продолжают приходить после наших публикаций в редакцию. Одно из них прислала жительница Ярославля Людмила Федоровна Корниенко.

было, и в конце января она за- собиралась тоже. В Ленинграде жила тетка мужа: решила было ехать к ней и ждать там. Ленинград встретил непри- ветливо: дома замаскированы, улицы пусты, если кто попа- дется навстречу – то только во- енные. Ей стало страшно, и она решила добираться к своим, в деревню. Ее и еще одну офицерскую жену с тремя маленькими детьми сопровождал из Мед- вежьегорска до Ленинграда

иски Федора Мазина отпра- вилась его мать. Останови- лась в Ленинграде у сестры и много дней подряд выхо- дила на Лиговский проспект, всматриваясь в военных, в надежде узнать среди них сына. А потом вдруг сразу поверила, что его больше нет. Там же, в Ленинграде, пошла в военкомат спро- сить, где погиб, чтобы хоть съездить на могилку. Но ей ответили: «Хотите остаться живой, забудьте».

«НЕИЗВЕСТНАЯ» ВОЙНА

ОТЕЦ Людмилы Федоровны Федор Николаевич Мазин родом из деревни Козлово, что под Семибратовом. Призван в армию в октябре 1932 года после окончания 10-го класса. Учился на курсах, получил звание младшего лейтенанта. Служил в Ростове в расквартиро- ванной там 18-й стрелковой дивизии, потом дивизию пере- вели на Север, в Медвежь- горск.

В 1937 году он приехал на- вести родителей, женился и увез молодую жену в свой во- енный городок. В 1939 году, в марте, Федора Мазина направили на шестимесячные курсы комсостава в Петрозаводск, а в мае Анна Николаевна родила дочь Людмилу. Отец сумел вырваться только на два дня: встретил жену с дочкой из род- дома и уехал. Заботы о семье приняли на себя солдаты: но- сили дрова, воду, печку топи- ли, таскали тяжелые ведра после стирки.

После окончания курсов, в сентябре, отец получил от- пуск, и они всей семьей от- правились на родину, к роди- телям. Едва добрались, на другой же день пришла теле- грамма: «Срочно явиться к ме- сту службы».

– Когда вернулись в горо- док, его рота уже грузила тех- нику и лошадей. Мама расска- зывала, что днем его видела буквально несколько минут, он сказал, что их переводят на новое место службы. Мама уло- жила меня спать и вернулась на станцию, но их уже на плат- форме не было.

Они еще не знали, что больше не увидятся никогда.

Отец, рассказывает Люд- мила Федоровна, писал пись- ма о том, что стоят где-то на перепутье, как только доберут- ся до постоянного места, он сразу сообщит, и «вы приеде- те». Последнее письмо пришло в декабре. Среди прочего было в нем о сапогах: порвались, не знаю, мол, в чем ходить. Они ведь уехали в чем были: офи-

церы – в сапогах, солдаты – в ботинках с обмотками.

А через Медвежьегорск уже шли воинские эшелоны: туда – с техникой, оттуда – с ранеными. Женщины из городка бежали смотреть, нет ли своих, но своих не было.

Раненых становилось боль- ше и больше. Казарм, отведен- ных под госпиталь, не хватало, эшелоны с ранеными уже про- ходили мимо, не останавлива- ясь, в глубь страны.

Жены офицеров тоже нача- ли уезжать, а жена Федора Ма- зина все ждала писем. Их не

солдат. Если бы не он, они ни за что не сели бы в поезд. У касс и у вагонов свалка, в по- езде света нет, детей переда- ют из рук в руки незнакомым людям. Крики, детский плач, вещи... Мама везла еще швей- ную машинку – главную цен- ность, с которой никак не мог- ла расстаться...

Когда наконец добрались до родных ростовских мест, не ве- рилось, что все это позади.

Но что с Федором? Как узна- ть хотя бы что-нибудь?

Расспросив невестку и про- плакав несколько дней, на по-

Позже они встретили случайно в Ростове военно- го, который был на фин- ской, по фамилии Симони- швили. Тот был где-то рядом с Федором и рассказал им все. 18-я дивизия попала в окружение. Первое время ели лошадиное мясо (дома позднее часто рассуждали: «Как же он мог Любку свою любимую съесть?!»). Потом все погибли от холода и го- лода.

Пытаясь вырваться из окружения и дать знать о сложившейся ситуации командованию, один из со- служивцев Федора надел на себя несколько пар нижне- го белья, поверх ватника его закутали во что-то вро- де маскхалата, и он пока- тился по снегу в сторону на- ших. Предлагал присоеди- ниться Федору, но тот от- ветил, что не может оста- вить солдат.

Симонишвили обещал позаботиться об официаль- ном извещении о гибели Федора Мазина. «Может быть, хоть на ребенка буде- те что-то получать». Слово сдержал. Пришло извеще- ние, а вслед за ним Людми- ла вплоть до совершенноле- тия стала получать пенсию за отца. Пенсия была хорошая – такая же, как мамина зар- плата лесника в Борисоглеб- ском лесничестве.

Других документов не оста- лось. Сохранилось несколь- ко фотографий: комсостав с лошадьми, занятия акроба- тикой, папа с мамой. Нес- колько фотографий подарены отцу его подчиненными, две подписаны – от наводчи- ка Пети Ярыгина и замкового Миши Поздеева, они, веро- ятно, тоже погибли.

– Вся жизнь нас застав- ляют забыть: «Финская не считается», «Финская не война». Но фотографии отца висят в комнатах как что-то святое.

Татьяна ЕГОРОВА.